

УДК 17.09.91 (73)

О.В. Афанасьева

Эволюция образа грешного священника в новелле Н. Готорна «Черная вуаль священника»

В статье рассматривается эволюция образа грешного священника в американской литературе на материале анализа новеллы Н. Готорна «Черная вуаль священника». В ней исследуются причины, по которым автор обращается к указанной проблеме, а также пути ее развития и разрешения в изучаемом произведении.

Ключевые слова: грех; вина; священник; пуританизм; черная вуаль.

Образ грешного священника появляется в американской литературе в начале XVII в. В одном из самых значительных произведений того времени «История поселения в Плимуте» (1646–1650) У. Брэдфорда (W. Bradford) автор довольно детально описывает прибытие в колонию из Англии некоего священника Дж. Лайфорда, его грехи и жизнь в общине. Дальнейшее развитие тема *грешного священника* получает в сочинениях классика американского романтизма Н. Готорна. Тот факт, что центральными фигурами его новеллы «Черная вуаль священника» (The Minister's Black Veil, 1832) и одного из самых выдающихся романов той эпохи «Алая буква» (The Scarlet Letter, 1850) выступают священнослужители, совершившие грехопадение, не является случайным.

Как известно, предки писателя эмигрировали из Европы на североамериканский континент в числе первых переселенцев. Принадлежали они к ревностным поклонникам пуританизма и поселились в Новом Свете на территории общины Салема, места, вошедшего в историю США благодаря своим ведовским процессам. Объявив охоту на ведьм, как именовали женщин, подозреваемых в причастности к магическим ритуалам, правители Салема назначили судебный процесс, результатом которого явилась казнь 19 осужденных колонисток, чья вина якобы заключалась в проведении ими колдовских

обрядов и наличии связи с дьяволом. (Все приписываемые женщинам обвинения, естественно, не были доказаны.) Один из предков знаменитого американского романтика был активным участником стороны обвинения.

С детства Н. Готорн интересовался историей своей семьи. Осмысление поступков его родных, живших в колониальную эпоху, нашло отражение на страницах различных сочинений писателя. Характеризуя его творчество, многие литературоведы отмечают безусловное влияние традиций пуританизма, верований и предрассудков пуритан на мировоззрение романтика. Так, Н.И. Самохвалов пишет: «Готорн — сын пуританской Новой Англии. Творчество этого писателя невозможно понять вне связей с ее пуританскими традициями <...> Проблема вины, проблема греха и его искупления; склонность к аллегориям и символам; суровость тона повествования; пуританское морализирование — таковы характерные черты его творчества» [8: с. 129].

Исследователи пуританизма подчеркивают, что его последователи были фанатично преданы своей вере, отличались целеустремленностью, трудолюбием и независимостью. Согласно пуританскому мировоззрению человек должен был стойко принимать ниспосланные ему Провидением тяготы и невзгоды, являть собой образец добродетели и непоколебимо верить в промыслительность происходящего. Любые случайности полностью отрицались. Следовательно, колонистам надлежало смиренно воспринимать все лишения [6: с. 109]. Как отмечает в своем исследовании К.М. Баранова, все эти качества были свойственны и европейским переселенцам, обосновавшимся в Новой Англии. Однако, подчеркивает ученый, «к середине XVII в., значительно упрочив свое положение в Новом Свете, многие колонисты начинают отходить от основ пуританизма» [3: с. 20]. Из преследуемых и гонимых борцов за истинную веру к концу столетия они превращаются в свою противоположность, и сами начинают жестокие процессы преследования сограждан за их инакомыслие, что проявилось во время упомянутого выше Салемского процесса, а также в их ожесточенной борьбе с квакерами. Следовательно, можно утверждать, что колонистам-пуританам были присущи такие качества, как нетерпимость и даже жестокость. В произведениях Н. Готорна можно усмотреть эту двойственность. Автор не может полностью принять философию пуританизма. Он явно осуждает фанатизм представителей данного философско-религиозного течения, но одновременно он восхищается силой духа этих людей, их трудолюбием, нравственными принципами — тому, что помогало им выживать, невзирая на все жизненные трудности. Писатель детально изучает события прошлых лет и переносит их на страницы своих произведений, движущей силой которых является борьба добра и зла.

Проблемы, связанные с пуританским прошлым новоанглийского поселения, становятся центральными, в частности, в новелле «Черная вуаль священника», которая вошла в сборник его рассказов «Дважды рассказанные истории» (*Twice-Told Tales*, 1837). Современник Н. Готорна, известный американский

поэт-романтик и новеллист, Э.А. По (Edgar Allan Poe) высоко оценивал этот труд и писал: «...о рассказах м-ра Готорна следует решительно сказать, что они достигают вершин Искусства, доступных лишь величайшим талантам. <...> Нам известно мало произведений, которые критик может хвалить так искренне, как “Дважды рассказанные истории”. Как американцы, мы гордимся этой книгой» (цит. по: [6: с. 74]). Вышеупомянутый рассказ Э.А. По называл одним из самых таинственных и оригинальных.

Тема тайной вины, греха, возможно и несовершенного, существовавшего только в мыслях, является ведущей в анализируемой новелле. Как отмечают ученые-американисты, «с точки зрения переселенцев-пуритан, вступивших на земли Новой Англии в начале XVII столетия, всех их отличала от других колонистов своего рода негреховность, ибо они полагали себя Божьими избранниками. Переселившись на американские земли, колонисты верили, что приобрели это качество» [2: с. 44]. Однако они не отрицали наличия греховности у всех остальных людей. Н. Готорн затрагивает эти проблемы в связи с персонажем, обладающим духовным саном, что само по себе вступает в определенный диссонанс с религиозными традициями Европы и Америки. Согласно религиозной традиции католицизма священнослужители должны осуществлять связь между Господом и обычными людьми. В пуританизме эта роль служителей Церкви отвергается, однако их значимость и нравственная безупречность не подвергаются сомнению. Тем не менее в обращении Н. Готорна к вышеуказанной проблеме можно усмотреть определенный намек на то, что неугодные Всевышнему поступки могут совершаться и церковнослужителями. Что касается дальнейшего развития образа грешного священника в англоязычной литературе конца XIX в., греховность станет пониматься как союз священнослужителя и коммерсанта (показателен «почетный мир» Морелла и Берджесса — героев «мистерии» Б. Шоу «Кандида», на который обращает внимание в своей работе М.Г. Меркулова) [5: с. 301–302].

Желание Н. Готорна выявить грешников, показать, что некоторые из них осознают свое недостойное поведение и готовы наказать себя только лишь за мысленно совершенное преступление, явно прослеживается в рассматриваемой новелле. Главным героем анализируемого рассказа является некий господин Хупер, священник небольшого прихода новоанглийского поселения Милфорд. Автор сообщает читателю совсем немного о протагонисте повествования: «Мистер Хупер, благообразный мужчина лет тридцати, но все еще холостяк, <...> одет с подобающей духовному лицу опрятностью; можно было подумать, что это заботливая жена накрахмалила ему нарамник и очистила его воскресное одеяние от всей накопившейся за неделю пыли» [1: с. 283]. В профессиональном отношении жители общины высоко оценивают священнослужителя. Он хороший проповедник, всегда находит нужные слова, чтобы донести до слушателей волю Создателя. У прихожан нет никаких причин сомневаться в праведности и благочестии своего пастора.

Однако однажды во время воскресной службы он появляется в церкви с черной вуалью на лице. Сам священник не дает никаких объяснений по поводу столь необычного элемента своей одежды. Это незначительное добавление к традиционному облачению духовного лица становится причиной волнений среди паствы и вызывает пересуды. У многих горожан появляются сомнения в том, что мистер Хупер ведет достойный образ жизни. Жители Милфорда считают, что людям свойственно скрывать свое лицо от окружающих лишь в том случае, если они грешны и им стыдно за совершенные поступки.

В тот роковой день новый облик священника поверг в смятение тех, кто пришел в церковь послушать его проповедь. С изумлением смотрели они на пастора. Их реакция на столь явные изменения в облики своего духовника была самой неожиданной. Кто-то забывал его поприветствовать, кому-то он напоминал пугало, кто-то сделал вывод, что Хупер сошел с ума. Он внушал окружающим не только «благоговейный страх, это было потрясение» [1: с. 285]. И хотя проповедь, которую он произносил, мало чем отличалась от предыдущих, все, кто слушал ее, почувствовали, что на этот раз она звучала более проникновенно и убедительно, оставляя глубокий след в мыслях и душах прихожан. Как замечает писатель, «у каждого из присутствующих <...> было такое чувство, что проповедник, прикрывшись своей страшной вуалью, проник к нему в душу и обнаружил там несправедные поступки и мысли, которые он искусно скрывал» [1: с. 285].

Разглядывая черную вуаль, взволнованные прихожане с трудом вникали в суть произносимой проповеди. Их больше интересовали причины, по которым столь странный и даже пугающий атрибут одежды появился на лице священнослужителя и скрыл от них его взор. Иными словами, в момент произнесения молитвы священник вольно или невольно отвлекал молящихся людей от религиозного действия, ибо присутствующие в церкви думали лишь о том, чем можно объяснить появление черного крепа на его лице. Размышляя о возможных несправедных делах своего духовника, приписывая ему тайную вину и осуждая его за это, жители Милфорда сами отступали от правил религиозного благочестия, так как их собственные мысли были далеки от проблем, которые затрагивались в проповеди. Фактически своим поведением они подтверждали то, о чем говорил пастор.

Скорее всего, именно в это время и начали зарождаться слухи о вероятных грехах Хупера. Высказывались разнообразные причины, по которым духовный наставник жителей Милфорда решил носить темный покров. Большинство сходилось на том, что грешная совесть больше не позволяет ему вести прежний образ жизни. Некоторые «уверяли, что тайны вообще никакой нет, а просто от долгих ночных засидок при свете лампы у мистера Хупера настолько ослабли глаза, что им нужен теперь полумрак» [1: с. 285]. Однако по замечанию писателя, таких прихожан было явное меньшинство, всего один или двое.

Н. Готорн вводит в нарратив некоторые детали, которые усугубляют подозрения горожан. Во время чтения молитвы, подчеркивает автор, черная

материя отбрасывает тень на страницы Священной Книги: «Вуаль вздымалась и опускалась в такт его размеренному дыханию, когда он читал псалом; она была мрачной преградой между ним и исполненными святости словами на странице Писания; когда же он возглашал молитвы, вуаль эта плотно прикрывала его высоко поднятое лицо. Быть может, он хотел скрыть его от грозного Судии, к которому были обращены эти молитвы?» [1: с. 284]. Вопрос задан, но читатель не получает на него ответа. В повествовании лишь указывается, что в тот день проповедь была посвящена сокрытию греха и всем тем постыдным поступкам, «какие мы прячем даже от собственной совести, забывая о том, что от Вседержителя нет и не может быть никаких тайн» [1: с. 284–285].

В приведенных элементах описания можно усмотреть желание и попытку писателя показать, что пастор отгораживается при помощи куска черного крепа не только от Создателя, которому известны потаенные желания и недозволенные действия своих чад, но и ото всех окружающих. Тема проповеди в тот день, очевидно, была выбрана им специально. Однако и Н. Готорн делает на этом особый акцент, никакие попытки индивида утаить свои прегрешения не приводят к успеху. Прежде всего сам человек осознает глубину своего нравственного падения. Кроме того, Господь имеет возможность проникнуть в любую тайну грешника и выявить пороки каждого живущего на земле. Хупер в этом отношении не является исключением.

Американский писатель-романтик наделяет главного героя новеллы чувством покаяния. Последний действует и говорит так, как будто он уверен, что ему надлежит получить соответствующее наказание за содеянное. В своем разговоре с невестой священник заявляет, что сможет снять вуаль лишь тогда, когда данный им самому себе обет это позволит: «Так знайте: вуаль эта — своего рода символ, и я обязан носить его до конца жизни, на свету и во тьме, в одиночестве и на глазах у всего народа, как перед незнакомыми, так и перед самыми близкими мне людьми. Ни один смертный не увидит теперь моего лица. Эта темная тень должна отделять меня от всего мира: даже вам, Элизабет, нельзя будет ее приподнять» [1: с. 290]. Безусловно, столь странный ответ на прямо поставленный девушкой вопрос по поводу необъяснимого поведения будущего мужа не может удовлетворить ее.

Всячески пытается она уговорить своего возлюбленного прекратить его странное, никому непонятное поведение, внушающее страх жителям Милфорда: «Как вас ни уважают и ни любят, могут ведь пойти сплетни, что вы прячете лицо от того, что знаете за собой какой-нибудь тайный грех. Ради Пресвятой церкви, не допустите такого позора!» [1: с. 290]. Автор подчеркивает, что невеста Хупера покраснела, произнося эти слова. Очевидно, что мысли о неподобающем поведении человека, с которым она помолвлена, не покидают девушку. Его невероятное упорство не пускать даже ее к разгадке своей тайны пугает и отдаляет от нее любимого. Н. Готорн в новелле показывает, что Элизабет обладала силой духа и имела достаточно твердый характер, но и она ощутила

ужас, исходящий от черной вуали. Скорее всего, поведение и упорство жениха укрепили ее подозрения, и она приняла единственно возможное для себя решение — расстаться с любимым.

Все просьбы и мольбы священника не покидать его остаются без внимания: «Не бросайте меня, хоть вуаль эта и останется между нами на протяжении всей нашей земной жизни. Будьте моей, и тогда в жизни грядущей на лице моем не будет этой завесы, не будет и мрака между нашими душами! Вуаль эта — для смертной жизни, она не для вечности» [1: с. 291]. Сбивчивые пояснения жениха по поводу возможной жизни на небесах, где ничто не сможет отделить их друг от друга, не устраивают девушку. Главный герой крайне одинок. Самый близкий человек уходит от него.

Осознавая, на что он обрек себя, пастор крайне опечален тем, что Элизабет покинула его. Он испытывает страх от принятого решения. Его пугают и последствия принятого обета, и тот факт, что его невеста абсолютно верно интерпретирует причины, побудившие его надеть черную накидку, и правильно оценивает все происходящее. Именно поэтому она отказывается от любви и будущей совместной жизни с ним. Иными словами, Элизабет, как это иногда случается с искренне любящими сердцами, смогла понять, какой грех совершил ее жених, ужаснулась тому, что стало для нее очевидным, и оказалась не в состоянии принять его в новом качестве.

Несомненно, что события, предшествовавшие этому разговору и связанные с похоронами молодой прихожанки, также способствовали этому решению. Желая проститься с умершей девушкой, священник наклонился над ней. В этот момент его черная вуаль приподнялась. Два лица оказались друг напротив друга, и произошло чудо: «в ту минуту, когда лицо священника приоткрылось, покойница слегка вздрогнула, зашуршала своим саваном и кисейным покровом, но при этом лицо ее оставалось таким же застывшим, каким его сделала смерть» [1: с. 287]. Многие присутствовавшие на похоронах, узнав об этом, сочли это событие неслучайным. Стали поговаривать о том, что священник и душа умершей идут рядом. Все, кто был на погребении, восприняли этот эпизод однозначно. Связь между священником и девушкой оказалась для всех очевидной.

С тех пор пастор становится изгоем среди членов своей паствы. Фактически прихожане, не имея доказательств, что грех действительно совершен, вычеркивают его из своей жизни. Слухи о нем с каждым днем становятся все более зловещими. Люди устанавливают якобы существующую связь между ним и мертвецами. Они считают, что священник ненавидит черную вуаль, которую носит, и боится ее. По их мнению, он страшится смотреть в зеркало, чтобы не испытывать ужаса от созерцания собственного лица, и стремится проходить мимо предметов, в которых мог бы увидеть собственное отражение, предпочитая, например, не останавливаться на берегу водоема.

Столь таинственное и непостижимое для окружающих поведение, по замечанию автора, имеет тем не менее определенный позитивный результат —

пастор становится еще более ревностным служителем Церкви. Темная вуаль, которую он носит, притягивает к нему тех, кто считает себя грешниками. Желая получить прощение за свои поступки, эти люди предпочитают исповедоваться только духовнику общины Милфорд. Кажется, что прихожане, терзаемые собственной совестью за свои прегрешения, находят некую связь между собой и отнюдь не безупречным, по их мнению, священнослужителем. А это облегчает покаяние и дает надежду на искупление греха.

Со всей округи идут местные жители к священнику в черной вуали, чтобы рассказать о своих проступках. Он приобретает славу исключительного проповедника, которому Господь даровал способность проникать в темные стороны жизни кающихся и правильно оценивать их. При этом для членов прихода уже неважно, реально ли пастор совершил грехопадение и не имеет смелости признать содеянное или же он только в своих мыслях был готов совершить негодные Богу поступки. Причина появления черной вуали до конца рассказа остается тайной. В тексте повествования нет четкого ответа на вопрос, почему ее носит Хупер. Читатель лишь может строить предположения по поводу того, служит ли она проявлением глубокой скорби проповедника или же это выставленный на всеобщее обозрение символ совершенного им греха. Н. Готорн не дает ключа, благодаря которому можно было бы узнать истинные мотивы поведения пастыря и понять реальное положение дел. Автор подводит итог жизни священника следующим образом: «Так вот мистер Хупер прожил долгую жизнь, не запятнав себя ни одним недостойным поступком, но, несмотря на это, опороченный мрачными подозрениями; добрым и любящим, но в то же время никем не любимым и внушавшим всем смутный страх; человеком, отчужденным от людей, которые избегали его, пока были веселы и здоровы, но неизменно зывали к его помощи, когда приближение смерти наполняло их сердце ужасом» [1: с. 294]. Отец Хупер, как его теперь называют, приобретает известность на территории всей Новой Англии, проповеди его пользуются популярностью и собирают большое количество слушателей. Тем не менее пропасть между ним и всем остальным миром не становится меньше.

Даже в последние минуты своей жизни, чувствуя, что силы покидают его, и понимая, что смертный час близок, священник отказывается избавиться от черной вуали. Он не желает оправдываться и не хочет, чтобы его лицо без темного покрова видели другие. Собрав последние силы, умирающий заявляет, что окружающие его люди боятся маленького куска материи на его лице, так как все они греховны и пытаются скрыть свой грех. Однако подобные попытки тщетны — утаить несправедные деяния от Создателя невозможно: «Я вот гляжу на вас — и, о горе, на лице у каждого из вас Черная Вуаль!» [1: с. 296] — восклицает пастор.

Данные слова можно рассматривать как намек на разгадку тайны духовного лица. Каждый человек, с его точки зрения, совпадающей с мнением автора, грешен. (Учитывая интерес Н. Готорна к истории пуританизма, естественным

представляется обращение автора к теме первородного греха.) Будучи последовательным пуританином, священник уверен, что каждый из людей в глубине души хранит воспоминания о своих неблагоприятных поступках. Однако, даже понимая, что для Всевышнего тайн не существует, далеко не всякий грешник имеет смелость признать чинимое им или уже причиненное кому-либо зло. Это удел избранных. К ним, несомненно, автор относит и самого священника.

Анализируя этот образ, обратим внимание на примечание, которое делает Н. Готорн в самом начале новеллы, где сообщает о том, что некий новоанглийский священник по имени Джозеф Муди из штата Мэн, подобно отцу Хуперу, прятал свое лицо от окружающих, наказывая себя подобным образом. Его грех заключался в том, что он по неосторожности убил своего близкого друга. Вряд ли правомерно проводить абсолютную параллель между схожими действиями двух священников и причинами, которые побудили их так поступить. Джозеф Муди удручен тем, что произошло, он горюет из-за безвременной кончины своего друга, который погиб в результате его выстрела. Но он совершил этот грех без злого умысла, не имея намерения убить человека. Его черная вуаль, безусловно, является выражением искренней скорби.

Другое дело — кусок черного крепа на лице отца Хупера. Он, судя по всему, является платой за какой-то его истинно греховный поступок. Повторимся, однако, что для столь категоричного вывода в новелле нет объективных доказательств. Писатель не включает в текст никаких явных подтверждений и объяснений этому. Отметим также, что одновременно кусок темной ткани выступает в качестве своеобразного покаяния священнослужителя и причиняет ему глубокие страдания. Тем не менее, с его точки зрения, носить темную вуаль он обязан, чтобы как-то искупить собственный грех, а потому его боль и муки целительны. Кроме того, пастор считает, что, будучи проповедником, он несет ответственность за членов своего прихода, а значит, в определенной степени отвечает и за их прегрешения.

В этом плане несомненный интерес представляет замечание Э.А. По, которое он делает по поводу поведения главного героя анализируемой в статье новеллы. Известный американский писатель, критик и почитатель творчества Н. Готорна пишет, что, по всей вероятности, «мораль, вложенная в уста умирающего священника, будет принята за истинный смысл рассказа; и только читатели, родственные автору по духу, поймут, что совершено тяжкое преступление (в отношении “Молодой особы”» (цит. по: [4: с. 74–75]).

Интерпретируя этот пассаж из статьи Э.А. По, логично предположить, что, скорее всего, молодой Хупер был повинен в неподобающем поведении по отношению к умершей молодой прихожанке, чьи похороны были показаны в самом начале новеллы. Виновный пастор, не желая публично каяться, решает понести заслуженное наказание, выставив свой грех на всеобщее обозрение, но одновременно сохранив его в тайне. В тексте новеллы можно найти намеки автора, что черная вуаль этого священника является платой за его *реальное*

грехопадение, по отношению к умершей. Это также весьма выразительный символ, который используется автором для того, чтобы «не осуждая напрямую героев своего произведения, тем не менее, дать понять читателю, какие тайные пороки могут скрываться под их внешней благопристойностью» [7: с. 72]. Прежде всего необычный атрибут его одеяния появляется в день ее похорон. При прощании с ней лицо священника приоткрывается, и он оказывается лицом к лицу с покойной. Невидящим взором передает она ему свой немой укор, а у прихожан возникает ощущение, что дух девушки и сам духовник идут рука об руку.

Отметим также, что через несколько лет после опубликования «Черной вуали священника» Н. Готорн завершает свой самый известный роман «Алая буква», где главным действующим лицом опять выступает грешный священнослужитель. Герой романа по имени Димсдейл всю жизнь скрывает свой грех, который состоит в том, что, полюбив замужнюю женщину, он вступает с ней в греховную связь. Поскольку многие исследователи рассматривают «Черную вуаль» и «Алую букву» во взаимосвязи друг с другом, протагониста проанализированной новеллы логично сопоставить с главным действующим лицом романа. Таким образом, мысль Э.А. По о значении куска черного крепа, который не снимает с лица пастор, представляется оправданной, логичной и может считаться истинной причиной таинственного и необъяснимого для многих поведения священника на протяжении всей его жизни. Подобная интерпретация анализируемого символа в рассмотренном рассказе играет существенную роль как для исследования эволюции образа грешного священника в американской литературе, так и для понимания отношения Н. Готорна к затронутой проблеме, учитывая неподдельный интерес автора к пуританскому наследию своей родины.

Библиографический список

Источники

1. Готорн Н. Черная вуаль священника // Готорн Н. Алая буква: роман, новеллы. М.: Эксмо, 2006. С. 282–296. (Зарубежная классика).

Литература

2. Баранова К.М. XVIII столетие. Рождение американской мечты: творчество Дж. Эдвардса и Б. Франклина: монография. М.: МГОУ, 2010. 250 с.

3. Баранова К.М. Образ Нового Адама в американской литературе колониального периода (религиозный, гражданский и личный идеалы): монография. М.: МГПУ, 2014. 148 с.

4. Машошина В.С. Лейтмотив предопределения (providence) в романе Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит»: European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2011. № 6. С. 109–113.

5. Меркулова М.Г. Ретроспекция в английской «новой драме»: истоки, типология, функционирование: дис. ... д-ра филол. наук. М.: МПГУ, 2006. 345 с.

6. *Николюкин А.Н.* Писатели США о литературе. М.: Прогресс, 1982. Т. 1. 294 с.
7. *Савинич С.С.* Проблема символики дома в литературе США: от эпохи Романтизма до середины XX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 203 с.
8. *Самохвалов Н.И.* Натаниэль Готорн. История американской литературы. М.: Просвещение, 1971. Ч. I. С. 128–141.

References

Istochniki

1. *Gotorn N.* Chernaya vual' svyashhennika // Gotorn N. Alaya bukva: roman, novelly'. M.: E'ksmo 2006. S. 282–296. (Zarubezhnaya klassika).

Literatura

2. *Baranova K.M.* XVIII stoletie. Rozhdenie amerikanskoj mechty': tvorchestvo Dzh. E'dvardsa i B. Franklina: monografiya. M.: MGOU, 2010. 250 s.
3. *Baranova K.M.* Obraz Novogo Adama v amerikanskoj literature kolonial'nogo perioda (religiozny'j, grazhdanskij i lichny'j idealy'): monografiya. M.: MGPU, 2014. 148 s.
4. *Mashoshina V.S.* Lejtmotiv predopredeleniya (providence) v romane Germana Melvilla «Mobi Dik, ili Bely'j kit» // European Social Science Journal (Evropejskij zhurnal social'ny'x nauk). 2011. № 6. S. 109–113.
5. *Merkulova M.G.* Retrospekciya v anglijskoj «novoj drame»: istoki, tipologiya, funkcionirovanie: dis. ... d-ra filol. nauk. M.: MPGU, 2006. 345 s.
6. *Nikolyukin A.N.* Pisateli SShA o literature. M.: Progress, 1982. Т. 1. 294 с.
7. *Savinich S.S.* Problema simboliki doma v literature SShA: ot e'poxi Romantizma do serediny' XX veka: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2012. 203 s.
8. *Samoxvalov N.I.* Natanie'l' Gotorn. Istoriya amerikanskoj literatury'. M.: Prosveshhenie, 1971. Ch. I. S. 128–141.

O.V. Afanasyeva

Evolution of the Image of a Sinful Priest in N. Hawthorne's Short Story «The Minister's Black Veil»

The article deals with the image of a sinful priest in American Literature based on the analysis of N. Hawthorne's short story «The Minister's Black Veil». It investigates the reasons that made the author draw his attention to the mentioned above problem and the ways of its development in the work under study.

Keywords: sin; fault; priest; Puritanism; black veil.